

The background of the entire image is a surreal forest scene. It features tall birch trees with white bark and vibrant red autumn foliage. In the center of the sky, a large, detailed eye is visible, surrounded by concentric circles and faint, glowing lines. The overall atmosphere is mysterious and ethereal.

МИР КРАСНЫХ ДЕРЕВЬЕВ

продолжение повести
«Дверь между срезами»

Между срезами

Максим Тау

Мир красных деревьев

«Автор»

2026

Тай М.

Мир красных деревьев / М. Тай — «Автор», 2026 — (Между срезами)

Илья Надиров не умер. Он оказался в соседнем секторе реальности, где деревья красные не от осени, а потому что сама физика выбрала другой цвет жизни. Здесь нет магических порталов и чудесных двойников. Есть школы, где детей учат не отвечать на чужое имя; больницы памяти; рынки почти своих вещей; люди, которые каждый день защищают право оставаться собой. Проводником Ильи становится Ася — девочка в синем пальто, которая когда-то была уликой в его лаборатории. Теперь она выросла и больше не хочет быть доказательством чужой теории. А директор Савва Кленов готовит программу, которая должна спасти умирающий красный лес. Цена спасения — устойчивость соседних миров, чужая память и, возможно, сам Илья как мост между срезами.

© Тай М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Пролог. Шестьдесят пятый тик	6
Глава 1. Мир, который пах железом и листвой	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Максим Тау

Мир красных деревьев

Вступление

продолжение повести «Дверь между срезами»

История о том, как Илья Надилов оказался в соседнем трехмерном секторе, прошел через красный мир, лесные дуги, невидимые поезда и опасные записи, а затем понял, что параллельная вселенная не находится далеко: она отличается углом проекции, стоимостью продолжения и тем, какие записи способны удержать человека собой. Красный сектор показан не только как опасное место перехода, но и как живой мир: с автобусами, школами, больницами памяти, рынком почти своих вещей, домашними кухнями, правилами для детей и людьми, которые каждый день платят бытовую цену за сдвиги между срезами. Дополнительно раскрыты школы шестьдесят четырех тактов, рынок почти своих вещей, больница срезовой памяти, линия Когана в U_0 , история Евгении Кленовой, ночь без зеркал и право Аси перестать быть уликой.

В этом продолжении все необычные эффекты подчинены внутренней логике Бесконечномерной теории проекций сопротивления: нет тоннелей в пространстве, нет магического копирования, нет свободного путешествия между мирами; есть только перекрытие секторов, когерентность часов, цена записи и опасность сделать чужую устойчивость своим топливом.

Пролог. Шестьдесят пятый тик

На шестьдесят пятом тике Мария Верницкая не закричала.

Она давно научилась не кричать там, где мир ведет себя как подозреваемый: сначала нарушает порядок, потом мгновенно принимает приличный вид и ждет, что ты постесняешься задавать вопросы.

Зеркало в прихожей было старое, с потемневшими краями. Оно висело напротив синего школьного пальто, того самого, мокрого когда-то от дождя, падавшего вверх. Мария положила в карман пальто последнюю страницу архива Надирова, завела настенные часы и услышала шестьдесят четыре ровных удара. На следующем ударе не звук пришел из часов. Звук пришел из зеркала.

Тук.

Не снаружи. Не от соседей. Изнутри стекла, как будто по ту сторону кто-то стоял в тесном темном коридоре и проверял, помнит ли дом дверь.

Мария подошла ближе. В отражении за ее плечом ничего не было: шкаф, выключатель, пальто, полоска вечернего окна. Но по стеклу снизу вверх побежала капля воды. Она не стекла. Она поднималась, оставляя за собой тонкую прозрачную дорожку.

Потом на зеркале проступили буквы. Не написанные пальцем. Не царапины. Скорее сдвиг серебряной подложки, маленькая локальная ошибка в том, что стекло обязано отражать.

*МАРИЯ,
НЕ СТРОЙТЕ.
СЛУШАЙТЕ.*

Ниже появилась формула, простая настолько, что от нее становилось холодно:

$D_R(S_U, S_V) < \Delta_{identity}$

Мария узнала ее. Мир должен измениться меньше, чем определение тебя самого.

Она не стала звонить в управление. Не стала фотографировать. Фотографии всегда лгали рядом с этими вещами: либо показывали ничего, либо показывали слишком много лишнего. Она просто достала из ящика старый диктофон, положила его на полку и сказала в темное стекло:

— Илья Сергеевич, если это вы, постучите дважды.

Пауза длилась так долго, что часы успели начать следующий круг.

Потом зеркало ответило.

Тук. Тук.

Мария закрыла глаза. За три года она придумала сотни рациональных объяснений, и все они одновременно умерли.

— Где вы?

Стекло потемнело. На нем не возникло карты. Не возникло лица. Только красная листва, отраженная так, будто ее держали над черной водой. Потом буквы:

В МИРЕ, ГДЕ ДЕРЕВЬЯ НЕ УМЕЮТ БЫТЬ ЗЕЛЕНЫМИ.

И еще ниже:

*Я НЕ ПЕРЕШЕЛ ЧЕРЕЗ ПРОСТРАНСТВО.
МЕНЯ ПЕРЕЗАМКНУЛО В ДРУГОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.*

Мария села на пол. Синее пальто тихо капало на линолеум, хотя три года назад его высушили, упаковали, опечатали, снова распечатали и снова высушили.

В прихожей пахло мокрой шерстью, пылью старого шкафа и холодным чаем, который она забыла на кухне еще час назад. На табуретке лежал чек из магазина: хлеб, батарейки для диктофона, самый дешевый черный маркер. В другой жизни это был бы обычный вечер следователя, который слишком поздно вернулся домой и не успел поужинать.

Мария вдруг остро почувствовала, насколько неправильно чудо выглядит рядом с бытом. Никаких труб, лабораторных стоек, грандиозного неба. Линолеум с трещиной у порога, выключатель, который западал, соседская собака за стеной и зеркало, из которого стучал человек, официально отсутствующий в мире уже три года.

Именно это заставило ее не испугаться, а собраться. Быт всегда был ее способом удерживать реальность. Пока на плите стоял чайник, пока в прихожей сохло пальто, пока на полке лежал диктофон с новыми батарейками, мир еще можно было допрашивать.

За окном шел обычный московский дождь. Он падал вниз, как положено. Но в зеркале красные деревья гнулись под дождем, который возвращался в небо.

Глава 1. Мир, который пах железом и листвой

Илья Надиров пришел в себя не сразу, потому что «сразу» после Перезамыкателя не существовало.

Сначала была память о лаборатории Б-17: бетонная стена, маркер, кровь на ладони, запах озона. Потом был провал, но не черный. Черный провал был бы слишком похож на смерть. Этот был красный. Через него проступали ветви, тонкие как сосуды на сетчатке, и свет, будто прошедший через закрытые веки.

Он лежал на мокрой земле.

Над ним стояли деревья.

Илья долго смотрел на листья, пытаясь понять, почему мозг отказывается принять самый простой факт. Листья были красными. Не осенними, не больными, не подсвеченными закатом. Красными так естественно, как в его мире листья были зелеными. В прожилках темнели почти черные линии. На коре выступали белые пятна, похожие на старые ожоги. Ветер двигал кроны, и вся роща шумела не шелестом, а сухим низким звуком, будто кто-то перебирал страницы толстой книги.

Он сел. Голова не кружилась. Тошноты не было. Боли тоже. Это напугало сильнее. Если бы его действительно протащило через невозможное пространство, тело должно было бы кричать каждой клеткой. Но тело молчало, как новый свидетель, которому заранее объяснили, что он должен говорить.

Илья поднял руки. Ладони были его. Шрам от стекла на большом пальце правой руки был на месте. На запястье осталась тонкая белая полоска от старых часов. Но часы исчезли. Вместо них на коже было круглое красное пятно, как след от браслета, которого он никогда не носил.

Он проверил карманы с той же дисциплиной, с какой когда-то проверял вывод формулы. В правом кармане халата — сломанный колпачок от маркера. В левом — сложенный лист с расчетом, наполовину размокший и теперь пахнувший железом. Во внутреннем кармане — старая фотография Елены, которую он не помнил, как взял в Б-17. Деньги исчезли. Ключи исчезли. Документы исчезли. При нем остались только вещи, которые могли доказать не гражданство, а продолжение.

Он хотел пить. Это бытовое желание оказалось спасительным: человек, которому хочется воды, еще не стал чистой формулой. Илья нашел между корнями небольшую лужу, но не решился коснуться ее губами. Вода отражала красные кроны слишком четко, будто отражение было важнее самой воды.

В первый раз после исчезновения ему стало страшно не за теорию, а за то, как долго тело выдержит мир, где даже трава не была уверена, что должна быть травой.

— Хорошо, — сказал он хрипло. — Не перемещение. Перезамыкание.

Слово прозвучало чужим. В лаборатории оно было термином, почти шуткой. Здесь оно было биографией.

Он заставил себя провести первичную проверку.

Имя: Илья Сергеевич Надиров. Возраст: сорок один. Последняя запись: если я ошибся, я умер здесь; если я прав, я не умер нигде. Объект эксперимента: наблюдатель с устойчивой цепочкой записей. Цель: сектор с малым, но ненулевым перекрытием. Условие: источник должен разомкнуться при замыкании назначения.

Он вспомнил кровь на столе и понял, почему тело не болит.

Источник разомкнулся.

Эта мысль не была успокоением. Она была протоколом вскрытия.

Вдалеке послышался механический звук. Не мотор. Не поезд. Ритмичное щелканье, похожее на старые часы, только гигантские. Илья встал. Земля под ногами была черной и упру-

гой. Между корнями рос мох. Он тоже был красным, но не таким ярким, как образец в его капсуле. Тот мох вернулся в Б-17, а этот, возможно, был его родственником. Или его должником.

На склоне за деревьями открылся город.

Он должен был быть Черноголовкой. Планировка угадывалась: институтские корпуса, трубы, старые пятиэтажки, линия леса. Но корпуса были ниже, крыши — медные, а вместо знакомой серой башни над центром поднималась тонкая конструкция из колец, как застывшая волна. На ней мигали огни: красный, белый, красный, белый. Зеленого не было нигде.

Илья сделал шаг к городу и остановился. Его тень лежала не там, где должна была. Солнце было справа, а тень уходила немного вперед, будто свет здесь приходил не из одной точки, а из сектора, слегка повернутого относительно привычного неба.

— Значит, *U* и *V*, — прошептал он. — Угол не расстояние.

Ветер принес запах дождя, железа и листвы. Запах был почти земной. Именно «почти» делало его невыносимым.

На дороге между деревьями стояла девочка в синем пальто.

Ей было уже не шестнадцать. Лицо стало взрослее, волосы короче, но пальто было то самое: темно-синее, школьное, с пуговицей, которой не хватало на левом борту.

Она смотрела на Илью без удивления.

— Вы поздно, — сказала она. — У нас прошло девять лет.

Илья хотел спросить, кто она. Но вопрос был глупым. Иногда доказательство начинается не с формулы, а с пуговицы.

— А у нас три, — ответил он.

Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.